

ИТАЛО КАЛЬВИНО

НЕВИДИМЫЕ ГОРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44
К17

Серия «Эксклюзивная классика»

Italo Calvino
LE CITTA INVISIBILI

Перевод с итальянского *Н. Ставровской*

Серийное оформление *А. Фереца*

Художник *Е. Фerez*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Кальвино, Итало.

К17 Невидимые города / Итало Кальвино ; [перевод с итальянского Н. Ставровской]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-133303-4

«Невидимые города» — одна из основополагающих книг пост-модернистской литературы. Пятьдесят пять новелл, построенных по законам гадания на картах Таро и напоминающих легендарный «Декамерон» Дж. Боккаччо. Путешествие по разным городам, посещенным — или якобы посещенным — Марко Поло по поручению Кубла-Хана, под пером Итало Кальвино превращается в странствие по воображаемому миру, где города названы женскими именами. Книга-загадка, книга-игра, правила в которой выбирает сам читатель, изучая новеллы в произвольном порядке и выстраивая свою собственную картину волшебного мира — абсурдного, иллюзорного, но вместе с тем столь похожего на безумную жизнь современных мегаполисов.

УДК 821.131.1-32
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-133303-4

© The Estate of Italo Calvino, 2002
© Перевод. Н. Ставровская, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

I

Нет, Кублай-хан не верит тотчас же всему, что Марко Поло говорит о городах, где побывал он с ханской миссией, но, без сомнения, татарский император вновь и вновь склоняет слух свой к молодому этому венецианцу с бóльшим любопытством и вниманием, нежели к иным своим посланцам и дозорным. В жизни императоров бывает миг, когда за чувством гордости от бескрайности захваченных владений, за печальным, но и утешительным сознанием того, что скоро мы расстанемся с надеждою познать

их и понять, однажды вечером мы вдруг испытываем ощущение пустоты, проникнувшей в нас вместе с запахами пепла от сандала, стынущего в глубине жаровен, и слонов, омытых дождевой водой, и головокружение — так что дрожат запечатленные на рыжем крупе полушарий реки и горы, в глазах мелькают, наплывая друг на друга, депеши с сообщениями о новых поражениях последних вражеских армий и крошится сургуч печатей неизвестных королей, молящих наше наступающее войско о защите в обмен на ежегодную уплату ими дани драгоценными металлами, дубленой кожей, черепашиными щитами, — так вот, приходит миг отчаянья, когда становится вдруг ясно, что империя, казавшаяся нам собранием всех чудес, — сплошная катастрофа без конца и края, что разложение ее слишком глубоко и нашим жезлом его не остановить, что, торжествуя над неприятельскими суверенами, наследовали мы их длительный упадок.

И только в донесениях Марко Поло удавалось Хану различать сквозь стены и башни, обреченные на разрушение, филигрань столь тонкого рисунка, что его не смог бы укусить термит.

Города и память. 1.

Пустившись в путь и двигаясь три дня к востоку, попадаешь в Диомиру — город, где ты видишь шесть десятков куполов из серебра и улицы, мощенные оловянной плиткой, театр из хрустали и бронзовые статуи богов, где что ни утро раздаётся с башни пение золотого петушка. Для путника, однако же, красоты эти не новы, подобные являли ему и другие города. Особенность же Диомиры в том, что прибывающий туда сентябрьским — уже ранним — вече-

ром, когда над входами во все таверны разом загораются цветные огоньки и раздаётся женский вскрик с какой-то из террас, случается, завидует тому, кто в это время думает, что в жизни его был уже такой вот вечер и он чувствовал себя тогда счастливым.

Города и память. 2.

У долго скачущего по безлюдной местности рождается желание увидеть город. Наконец он достигает Исидоры — города, где винтовые лестницы в домах украшены морскими раковинами, где по всем правилам искусства изготавливают скрипки и бинокли, где для чужеземца, если тот колеблется, какую из двух женщин выбрать, обязательно найдется третья, где петушиные бои кончаются кровавыми побоищами между теми, кто делал ставки на бойцов. Все

это он представлял себе, мечтая о городе. Значит, Исидора — город его грез, с одной лишь разницей: в том городе, который он воображал, себя он видел молодым, а в Исидору приезжает человек в годах. На площади сидят бок о бок старики, глядят на молодежь, которая проходит мимо; среди них сидит и он. А о желаниях теперь он только вспоминает.

Города и желания. 1.

Рассказ о городе, носящем имя Доротея, может быть двояким: можно сообщить, что там четыре алюминиевые башни возвышаются над стенами между семью воротами, снабженными пружинными подъемными мостами, перекинутыми через ров, наполненный водой, питающей четыре сплошь заросших ряскою канала, проходящих через город, разбивая его на девять кварталов, каждый с тремя сотнями домов и семьюстами дымоходами; и,

зная, что невесты каждого квартала выбирают женихов себе в других и семьи их ведут обмен товарами, которые являются их монополией, — бергамотом, осетровою икрой, астролябиями, аметистами, — с учетом этих данных вычислить любые сведения о минувшем, настоящем и грядущем Доротеи; ну, а можно на манер погонщика верблюдов, что привез меня туда, сказать: «Когда однажды утром я, совсем мальчишкой, приехал в этот город, множество людей спешило в сторону базара, женщины, сияя белозубыми улыбками, смотрели прямо мне в глаза, три молодых солдата, стоя на помосте, наигрывали что-то на кларинно, всюду развевались красочные надписи, вертелись там и сям колеса. Я прежде видел лишь пески и караванные пути, и вот в то утро в Доротее я почувствовал, что нет такого блага, на которое я не могу надеяться. Потом пришлось мне снова озирать пустыню, вглядываться в караванные тропы, но теперь я знаю: это лишь один из множества путей, открывшихся передо мной в то утро в Доротее».

Города и память. 3.

Напрасно, благородный Кублай-хан, рассказывал бы здесь тебе я о Дзаире и ее высоких бастионах. Я мог бы называть тебе число уступов улиц, нисходящих лесенкой, говорить о форме арок портиков и оцинкованных листах, которыми покрыты кровли, но я знаю: это все равно что не сказать ни слова, ведь определяют лик Дзаиры отношения, связывающие пространственные измерения и события былых времен: к примеру, расстояние от земли до фонаря и

ноги узурпатора, что был там вздернут; проволоку, протянутую от фонарного столба к ближайшему балкону, и гирлянды, украшающие путь, которым следовал кортеж в день бракосочетания королевы; расположение водостока и исполненное важности движение по нему кота, что прошмыгнул в окно за упомянутым балконом; траекторию снаряда канонерки, вынырнувшей из-за мыса, и ядро, ударившее в водосточную трубу; дырявые рыбацьи сети и трех стариков, что, починяя их на молу, рассказывают в сотый раз про канонерку узурпатора, который был как будто бы побочным сыном королевы, в пеленках брошенным на этом же молу.

Напитываясь, точно губка, нахлынувшей волной воспоминаний, город разбухает. Описание сегодняшней Дзаиры невозможно без рассказа о ее минувшем. Но Дзаира не рассказывает о былом, былое — часть ее, как линии руки, оно здесь запечатлено в углах домов, решетках, громоотводах, древках флагов и перилах, которые и сами все в царапинах, зубцах, зарубках и следах ударов.

Города и желания. 2.

Двигаясь на юг, три дня спустя встречаешься с Анастасией; этот город омывают концентричные каналы, в небе его реет множество бумажных змеев.

Надо бы теперь сказать, что можно выгодно купить в Анастасии, — оникс, хризопраз, агат, другие виды халцедона; отозваться с похвалой о мясе золотистого фазана — здесь его готовят на огне от выдержанного вишневого дерева и густо посыпают майораном; не забыть упомянуть о женщинах, плеска-